

Г.Е. Солдатова

МАТЕРИАЛЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ ОБСКИХ УГРОВ

МАНСИ

Публикуемые здесь фольклорные тексты записаны в 1999 г. Г.Е. Солдатовой во время работы в Приполярном этнографическом отряде Института археологии и этнографии СО РАН (А.В. Бауло, Г.Е. Солдатова) в с. Щекурья и с. Хурумпауль Березовского района Тюменской области. Записи сделаны на мансийском и русском языках. Ниже приведена расшифровка русскоязычного варианта, выполненная с фонограммы. Текст дан без исправлений, стиль речи информантов сохранен. Необходимые пояснения, добавленные автором публикации, даны в квадратных скобках.

Информанты:

Вьюткин Николай Васильевич, 1929 г.р. – тексты 1–5

Вьюткина (Анямова) Агафья Кирилловна, 1929 г.р., родом из с. Межы, супруга Н.В. Вьюткина (с. Щекурья) – тексты 6–8

Мерова Аксинья Степановна, 1932 г.р., род. на р. Ятри (с. Хурумпауль) – тексты 9–13

1. [Как лесной народ научил человека устраивать медвежий праздник]

Три брата пошли в лес на охоту. Они ходили-ходили, охотились в лесу, и один брат потерялся. Совсем ушел куда-то. Ищут, ищут – не найдут где он. Потом два брата стали охотничать – не нашли брата-то. А одного [третьего брата] куда-то увезли [лесные люди мис махум]. А там в лесу [у лесного народа] женщины, мужчины, ребята тоже там. Медведя голову танцуют они. Дом тоже такой [для медвежьих танцев] есть. Они у него спрашивают: «Вы тоже так делаете?» «Нет, мы так не делаем, не знаем как». «А теперь будете делать, как брата [медведя] найдете, голову медвежью танцевать. Если не видел, хорошо смотри, мы сами тебя обратно увезем, как сюда привезли. И там будешь руководить, как танцевать медвежью голову, играть на сангквылтапе⁸¹». Неделю он там жил. Потом берлогу нашли. Стали снегом кидаться, пори⁸² сделали, потом стали танцевать. Здесь раньше никто не танцевал, вот один брат потерялся, и его лесной народ научил медведя танцевать.

2. [Как медведи появились на земле]

Медведь жил на небе у Бога. Он⁸³ попросился у отца [вниз, на землю]. Вниз посмотрел – там все очень красивое, светится разным светом [цветом?]. «Папа, отпусти меня на землю». Отец говорит: «Ты будешь там мучиться». «Нет, там очень красиво и хорошо,пусти меня вниз». Отец его спустил вниз. Внизу он там ягоды берет, черемуху, орехи. Есть что покушать. В лес пошел, там иголки руки царапают. Думает: «Вот как плохо мне!». Снег упал. Он все ходит, ходит. Замерз. Стал искать толстые сучки, палки. «Берлогу надо мне делать». Нашел толстые

⁸¹ Струнный музыкальный инструмент.

⁸² Жертвоприношение.

⁸³ Далее по тексту обнаруживается, что медведь женского пола.

деревья. Стал копать берлогу вниз. В земле – там холодно. На улицу вышел, сучки поломал, мох набрал, на обе стороны [положил]. Как на подушку сделал и стал спать. Лежит. Отец ему говорил: «Ты восемь месяцев будешь лежать. Что будешь делать?» «Нет, там хорошо, красиво». Думает: «Отец-то правильно мне сказал, вот я и мучусь здесь». Лежит-лежит. Четыре месяца прошло. Лапу взял, полизал, повернулся на другой бок. Через четыре месяца другую лапу полизал. Опять лежал. На улице светло стало. Весна пришла. Вышел на улицу. Берлогу делал из деревьев. На деревьях серу искал, кушал. У него задница слиплась⁸⁴ – больше кушать не надо. Стал искать муравьев, мусор всякий, кушал – и сера вышла из задницы. В мае месяце два медвежонка она нашла (родила – комментарий Вьюткиной А.К.), вместе ходили, кормила все лето. Год спали вместе, в одной берлоге втроем. На следующую весну вышли на улицу. Одна девочка и один мальчик. Мать набила [их]⁸⁵ и пошла в одну сторону, дети – в другую. [Потом они] вместе загуляли, сделали берлогу, опять оттуда медведи пошли⁸⁶.

3. [Эква-Пыгрись и слепой менкв⁸⁷]

Жили-были бабушка с маленьким сыночком⁸⁸. У них ничего не было. На улицу пойдет мальчик, лук и стрелы бабушка сделает – он ничего не умеет. Потом птички и кулики стреляет, это и варят. Так и жили. Мальчик немного подрос. Бабушка говорит: «Ты далеко не ходи, есть здесь плохие люди, большие». «Ладно». Еще подрос. Думает: «Почему меня бабушка не отпускает ходить далеко? Хороший день, я выйду на улицу и пойду, побегаю». Нашел маленькую избушку. Чувал⁸⁹ там есть, двери. Зашел внутрь. Там лежит большой лесной человек. Слепой совсем. Встает [тот человек]: «У меня время [пришло] кушать, варить что-нибудь надо». У него был сангквылтап. Взял в руки, просит [духа]: пусть дикого оленя привезет⁹⁰. Играет на сангквылтапе. И сразу, только за чувал зашел – там дикий олень, уже мертвый. Ножик взял, зарезал, перечистил все. Котел поставил в чувал варить. Мясо убирал, костер делал. А Эква-Пыгрись тычку⁹¹ из палки сделал. Мясо жирное все достал, в маленький мешочек положил, домой пошел. Пришел домой, мясо отдал бабушке и сказал: «Ты, бабушка, вари, а я снова туда сбегая». Прибежал – у менкв котел готов. Он слышит: «Что-то я жирное мясо ставил, а жира-то нету, простое мясо. Эква-Пыгрись приходил, он, наверное, украл». «Я сейчас-то их сделаю!» – думает. Мальчик быстро-быстро домой побежал. Там котел был большой, чугунный. Эква-Пыгрись туда сел, сидит ждет. И видит оттуда: слепой менкв чувал вниз опустил, тычку поставил. А чугун тычку не забирал [?], он оттуда прыгнул и котел взял. Слепой менкв думает: «Наверное, бабушку тоже надо [вызвать] сангквылтапом. Пусть сюда привезут [ее

⁸⁴ После зимней спячки медведя мучает запор; чтобы от него избавиться, он начинает есть муравьев (муравьиная кислота обладает послабляющим действием). Информация Т.А. Молданова.

⁸⁵ Видимо, чтобы не бежали за ней.

⁸⁶ Т.е. медвежий род продолжился от инцестуального брака сестры и брата. Происхождение первых медвежат в тексте опущено.

⁸⁷ Обычно в сказках: лесной великан, не очень умный.

⁸⁸ Как и в предыдущем тексте, имя персонажа (Эква-Пыгрись) называется лишь в середине текста. Сначала он называется «сыночком».

⁸⁹ Чувал – печь, открытый очаг.

⁹⁰ В мансийском тексте звучит: «Кыр-кыр-кыр!»

⁹¹ Тычка – от рус. ‘тыкать’ – длинная заостренная палка. Комментарий Т.А. Молданова.

духи]». Он сангквылтап взял, играть стал⁹². Эква-Пыгрись домой побежал. Там была большая плитка, камень был, он к бабушке [его] привязал и обратно туда пошел. Немного подождал. Слепой менкв опять стал играть. Бабушку туда привез. Тычек много было, камни все раскидывали. Бабушка взяла ножом веревку перерезала, в сторону дернула, камень тоже. <...> Они с бабушкой домой пошли. Он говорит: «Ты иди, немножко одна поживи, а я опять туда сбегаю». Туда пришел, смотрит: слепой менкв лежит, ничего не знает. Сверху тихонько подошел, сангквылтап своровал. Домой пришел, что есть тычкой [т.е. все тычки?] сверху поставил в чувал. « Попрошу-ка я слепого человека», и стал на сангквылтапе играть. Сразу в чувал зашел слепой человек, весь раскалился. Его похоронили. Сколько у него богатства было, у них все стало. И сейчас живут где-то, играют.

4. [Котиль-Пыгрись и менкв]

На Малой Сосьве жили тридцать мужиков. В лес пошли, никто домой не вернулся. Один – его зовут Котиль-Пыгрись – там остался. Пошел искать товарищей. Отец и братья его тоже домой не пришли. Стал искать. К одной избушке пришел – никого нету, ко второй – даже не было никого. К третьей пришел – там жил кто-то. Там лиственницу увидел. <...> Думает: «Смерть [если] – на смерть пойду, [все равно] все люди у меня потерялись. Что будет – то и сделаю! Все ножи, тычки, стрелы приготовил и пошел. Вышел к большому болоту. Ветер сильный там. Лиственницу не видит. Там где-то видно: большой кустарник, лес. Зашел в него – там большие палки. Устал. Посидел, покушал – у него с собой сухое мясо, рыба были – и дальше пошел. Видит – может [вроде] что-нибудь светит, [а] дома не видно. Подумал: «Значит, потихоньку ехать надо». Поближе стал [подходить]: то поплывет, то подойдет. Где снег тонкий, там вверху поплывет. Подошел ближе – там чум сделан. Не лезет [в него] даже стрела, только если дверь откроет, так только можешь зайти. Он там посмотрел. Недолго там лежал. Потом [менкв?] крикнул: «Котиль-Пыгрись, ты что там делаешь? Иди сюда». «Наверное, меня обманывает [– подумал Котиль-Пыгрись]». Еще полежал немного – ничего не говорит, не кричит больше. Еще полежал. Потом [менкв?] собаку послал: «Иди, там Котиль-Пыгрись пришел, нас скоро застрелит». Собака побежала, через него проскочила, обратно пришла, хвост опустила – никого не нашла. Еще ближе подошел: лесной человек там котел варит⁹³ на большом огне. Котел взял, мясо забрал. Кушать стал. Котел забрал – жарко стало: у него железные одежды были, лахыр⁹⁴. Стал [менкв] кушать. Хорошо сел на двери [у двери]. Котиль-Пыгрись оттуда идет, стрела готова. Поближе подошел, стрелу пустил. Он [менкв] сразу навалился [свалился]: в лоб две стрелы попали, а не раскололись. Подошел [Котиль-Пыгрись] ближе. [Менкв говорит:] «Давай убирай стрелы, Котиль-Пыгрись!» «Нет, не уберу. У меня тридцать человек ты взял, куда дел?». Взял другую, толстую стрелу. Как потянул – в голову дал, и она разлетелась. Оттуда пошел [Котиль-Пыгрись и видит:] там тридцать баб и детей. Сколько пушнины у него было – все этим бабам раздал. Они еще где-то живут.

⁹² В мансийском тексте звучит: «Кыр-кыр-кыр!»

⁹³ Готовит пищу.

⁹⁴ Кольчуга.

5. Усынг-Отыр-Ойка⁹⁵ и русский человек

Жил-был Усынг-Отыр-Ойка. Пришел к нему русский человек. Жили вместе, работали немножко [некоторое время]. Русский просит у него землю: «Дай мне землю, хоть картошку посадить, место мне надо, может, дом построим, дай место хоть как шкуру теленка. Хоть одно ведро картошки посажу». «Ну ладно, дам». Русский разрезал шкуру теленка, как нитки, тонко и тянул вокруг земли. Сказал: «Вот это моя земля будет. А ты на своем месте оставайся». Потом в Березове взяли все русские. А он остался один как на острове. Усынг-Отыр-Ойка куда [-то] пошел, а Березов остался.

6. Тан-Варп-Эква

В Ломбовоже одну невесту привезли. Свои спать легли, а она не ложится, оленьи жилы выделяет. [Вдруг] слышит, на улице собака пищит. Тан-Варп-Эква зашла, а в тазике еще жилы шевелятся. Давай, говорит, вместе делать: кто первый кончит, тот живой будет. Немножко поделали, [женщина] смотрит – она [Тан-Варп-Эква] быстро делает. Она вышла, невеста-то, зажгла березку, туда сбегала, зашла и говорит: «У тебя дом горит, ребятишки твои плачут». Она [Тан-Варп-Эква] даже тазик⁹⁶ забыла и убежала. Она [женщина] успела, спать легла [и] всем, которые спали, лица маслом намазала, чтобы [Тан-Варп-Эква] знала, что вспотели [т.е. давно спят]. Потом [Тан-Варп-Эква] пришла обратно, ищет, где эта невеста. [Пощупает, –] эта давно легла, уже вспотела. К ней [невесте] подошла, она чуть-чуть не смеется, щекочет [ее Тан-Варп-Эква]. Так и не догадалась. Потом Пупыг-Ойка⁹⁷ ее на улицу вытолкнул. Чашка-то до сих пор осталась. Там, где пупыга держат, говорят, есть.

7. Тан-Варп-Эква

Тан-Варп-Эква услышала, что в Межах медвежьи танцы делают, пляшут и туда ушла. Раньше больниц не было. Рожать [были] маленькие домики. Вот женщина родила, еще трехлетний мальчик у нее. А муж ушел туда, где медвежьи танцы делают (тулыглап варегыт). Одна пришла, дверь открыла, говорит: «Мальчишку отец попросил, дай-ка я его туда отнесу». Она дала. После слышит [чувствует], что пальцы у ней нечеловеческие были, плохие и сразу догадалась, пошла туда. Мужа спрашивает: «Мальчишку тебе принесли?». Он говорит: «Нет». «А зачем просил?» «Я не просил». Перестали танцевать. Шаман начал шаманить, сказали [духу-покровителю], что мальчик [потерялся]. Месыг-Пупыг⁹⁸ узнал и догонять стал. Около Ломбовожа догнал: мальчика несет [Тан-Варп-Эква]. Там пупыг [ее] держал, начал бить ее, и озеро там стало⁹⁹. Мальчишку обратно Пупыг унес. Три дня только прошло, и мальчик умер.

⁹⁵ Усынг-Отыр-Ойка – букв. ‘Городской богатырь-старик’ – популярный персонаж мансийского фольклора, иногда антипод медведя.

⁹⁶ В мансийском тексте *ани* ‘чашка’.

⁹⁷ Пупыг-Ойка – ‘дух-покровитель’. Здесь, очевидно, подразумевается Лопмус-Павлынг-Ойка, Ломбовожский покровитель.

⁹⁸ Месыг-Пупыг – покровитель с. Межы.

⁹⁹ Озеро образовалось оттого, что Тан-Варп-Эква со страху описалась.

8. Тан-Варп-Эква и старик

Тан-Варп-Эква сильно воровала. Один старик рыбачить ходил с собачьей нартой. Рыбы наловил много. Обрато идет, тащит. Что нарта такая тяжелая стала? Обрато смотрит: она [Тан-Варп-Эква] села на мешок с рыбой, друг на друга¹⁰⁰ кидает. Он как возьмет ее за волосы, так волосы остались (в руках одни эти...) ¹⁰¹. Она убежала, так ворует. И мужик не мог удержать ее, рыбу всю скидала. Потом, наверно, [Тан-Варп-Эква] собирает после.

9. [Сын Бога ослушался отца]

Сын Бога говорит отцу: «Отец, я спускаюсь на землю». Отец ему говорит: «Ты хорошо оделся?». «Зачем мне одеваться? Такая хорошая погода, я так, легко одетый пойду». «А если я задумаю и такую плохую погоду сделаю, что ты живым не останешься?» «Да, отец, я не верю. Такая хорошая погода, зачем одеваться?». Легко одетый пошел. А Бог такой злой стал на сына, что не слушается отца. Так сделал: и ветер, и дождь. Своего сына убил и сказал: «Пусть человеческая эра начнется, и ребенок хоть какой пусть отца с матерью слушается».

10. [Сын Тан-Варп-Эквы]

Здесь, в этой деревне жили богатые оленеводы. У них маленький ребенок. Поехали в Ломбовож ночью. Они сами зашли домой, а ребенка оставили в нартах. Они сами чай пили, сидели, разговаривали. Потом опомнились. Жена говорит: «У меня ребенок же на улице». А местные говорят: «Зачем ребенка ты ночью оставила?». Побежали. А ребенок сидит развязанный, – тоже мальчишка, [но] не тот ребенок, не свой. Занесли, соску [сосок?] дает мать, – аж чуть не ест, сосет, [как] настоящий ребенок, мальчишка, но не такой. Но у них один ребенок, единственный. Так и вырастили, бедные. Потом вырос – они раз богатые хурumpaульские оленеводы, – так и рос, так и жил. Вырос, так и оленеводом работал¹⁰², поет [пел] еще про Хулгу, как оленей водит, пел. Говорят, высокий. Так и жил.

11. [Товлынг Пастыр]

В Мункесе жила женщина без мужа. Родила ребенка, сына. Сын растет, под мышками [у него] что-то мешается. Растет, она всем показывает: «У моего ребенка что-то под мышками появляется». Он растет, крылья растут, крылатый стал. При людях он не летал. Куда-нибудь сам пойдет – летит. Он все летал в Березово. А из Березово хлеб привезет, – пар еще идет, – к матери. А потом мать нашла отчима, с отчимом стали жить. У матери спрашивает: «Мама, мы с отчимом лося гнать пойдем. У лося шесть ног», – Товлынг Пастыр¹⁰³ говорит. Зачем лося шесть ног? Как человек догонит?» Потом с отчимом пошли. Ходили два [года] или несколько лет. Лося догнали. Саблей сразу две ноги снял, четыре

¹⁰⁰ Одну за другой.

¹⁰¹ Исполнительница забыло русское слово; в манс. тексте: *ховт нюси* 'еловый лишайник'.

¹⁰² Исполнительница пыталась вспомнить имя героя, вспомнила позже: Пиркунь < рус. Спиридон.

¹⁰³ Товлынг-Пастыр – 'Крылатый Пастыр'. Имя героя, как и в других текстах, называется не в начале, а по ходу повествования, когда он уже приобрел мифологические свойства.

ноги стало. Говорит: «Человеческая жизнь [когда] начнется, пусть у лося четыре ноги будет, а то кто же за шестью гнаться будет?» Отчим где[-то] остался. Он [Товлынг Пастыр] домой пришел. Мать спрашивает: «Сыночек, где отчим?» «Не знаю, где остался». Без отчима стали жить. Она всякий [хлам]: от варежек пряжа останется, – чтобы он тяжелый стал, она [на него навешивает]. Через реку, он ночь ночует. На реке лёд тонкий, он переходил. Так возьмет и пойдет через реку. Все удивляются, что [он так может]. Ну, люди смотрят – он возьмет, пойдет. Потом мать стала злиться на сына, что отчима нет. Она всякий грязь намешала [навешала?], он тяжелый стал. Думает реку перейти. Реку чуть не перешел, утонул. И мать говорит: «Пусть человеческая жизнь начнется, пусть люди смотрят, что тут Товлынг Пастыр сидит, [который] утонул».

12. [Паланзеевы]

Жили тут Паланзеевы, в этой деревне, три брата. Были двое с семьей, один – без. В старом доме, который от отца, от матери остался, жил. Все лежит, да не работает. Средний брат зашел, – что-то вкусным пахнет, сос, лалвой¹⁰⁴ пахнет. Посмотрел на чувал: чувал топится, кипит. Спрашивает брата: «Что ты варишь?» «Ничего не варю, лежу». Ладно, брат вышел. Пришел к старшему брату: «Знаешь, брат, я к братишке зашел – вкусным в доме пахнет, сос, лалвой». «Как? Не ври, я не верю». Сам пошел. Зашел – и правда: вкусным пахнет. Пошел к брату [среднему]: «Ладно, братишке новый дом построим [раз Миснэ приходит]». Собрались, все собрали, построили дом новый. А миснэ, смотрят, уже живет [там], приходит¹⁰⁵. Долго жили, коротко жили, болеть хозяин стал. Миснэ надо уходить тоже в лес. Вот что-то дом гореть начал, схватил он [?], пошел на чердак, – мис нёхыс [на чердаке] был, – того забрать. Так мис нёхыс там сгорел – где дом был, остался. Миснэ ушла в лес. Так и один остался на всю жизнь.

13. Яныг-Колынг-Отыр-Пыг – ‘Сын Богатыря (покровителя) Из Большого Дома’¹⁰⁶

Стоит девушка, смотрит вверх: едет человек на коне. Он пустил яичко в ладони девушке. Она съела это яичко, потом родила сына. Ребенок стал Отыр-Пыг [‘Сын богатыря’]. Вырос. Все стали ходить молиться в дом, где он живет. Каждый месяц, в новолуние все съезжаются из разных селений на оленях в этот дом. (Комментарий исполнительницы: Приносили в жертву оленя. Молились. Перед забоем оленя покрывали ярмак сахи [‘шелковый халат’]. У него были яныг тотап, мань тотап [‘большой сундук, малый сундук’]).

¹⁰⁴ *Сос* – чага, ей окуривали помещение, варили чай. *Лалва* – бобровая струя, ее поджигали и очищались женщины после родов и менструаций (комментарий Т.А. Молдановой). По-видимому, здесь запах *лалвы* в доме означает присутствие женщины.

¹⁰⁵ Здесь пропущен фрагмент, который исполнительница рассказала нам ранее: младший брат не хотел жить с Миснэ, прятал поварешки, чтобы она не готовила пищу, но она все равно варила – без поварешки, руками.

¹⁰⁶ *Яныг кол* – общественный дом для молений, обрядов. По словам А.С. Меровой, такой дом существовал в с. Хурумпауль. Он был жилым, разделен на две части, за занавеской находился Яныг-Колынг-Отыр-Пыг – дух-покровитель, который «жил» в этом доме. (Дневник, с.16-17)

ХАНТЫ

Публикуемые здесь фольклорные тексты записаны в 2008 г. Г.Е. Солдатовой во время работы Фольклорно-этнографической экспедиции к ваховским хантам Института филологии СО РАН (К.А. Сагалаев, А.Г. Гомбожапов, Г.Е. Солдатов) в с. Охтеурье и с. Ларьяк Нижневартовского района Тюменской области. Записи сделаны на хантыйском и русском языках. Хантыйский текст и его научно-фольклористический перевод на русский язык планируется опубликовать в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Ниже приведен русский пересказ хантыйских текстов, записанный от самих исполнителей. Расшифровка выполнена с фонограммы. Текст дан без исправлений, стиль речи информантов сохранен. Необходимые пояснения, добавленные автором публикации, приведены в квадратных скобках.

Информанты в с. Охтеурье:

Сигильетова (Прасина) Валентина Нестеровна, 1952 г.р. – тексты 1–4

Хохлянкина Анастасия (Наталья) Викторовна, 1966 г.р. – тексты 5–8

Хохлянкина Ульяна Тимофеевна, 1958 г.р. – тексты 9–12

Информанты в с. Ларьяк:

Прасина (Камина) Марина Александровна, 1966 г.р. – тексты 13–19

Астахова (Прасина) Аграфена Ивановна, 1940г.р. – тексты 20–21

1. Сэвс-Ики¹⁰⁷

Жили два брата, собрались на охоту. Старший говорит (у него жена и двое маленьких детей, у младшего – жена и ребенок только родился), говорит жене: «Мы идем на охоту, ты детей не балуй, чтобы они вечерами не смеялись, не плакали, ведите себя тихо». Младший просто сказал: «Слушай, что старший говорит». Ушли. Старшая жена не слушала [думает]: «Что нам будет?». Младшая как-то под вечер вышла, смотрит – через Вах идет большой, наподобие медведя, он речку даже переходит вброд. Заходит домой, говорит [снохе]: «Вот, досмеялась...» Только стала вещи собирать, как заходит этот дух. Сел поперек двери. «Долго я терпел, не выдержал». Младшая говорит: «Дедушка, выпусти, мне надо всякий хлам крестного¹⁰⁸ выбросить. Он пропустил. Она схватила ребенка и убежала в другое селение. Пока бежала, слышит только писк¹⁰⁹. Весной братья вернулись, старший говорит: «Смотри, мои меня встречают, а твоих не видать». Близко подошли [и видят] – головы на кольях. Старший плачет. Младший говорит: «Не плачь, я пойду искать жену и ребенка». Стенания услышал [этот] дух. Говорит дочери: «Я погубил его семью, ты будешь ему вместо жены. Но молчи год, будешь в облике женщины». Жили они, жили. Вот старший брат опрокинул на нее горячий котелок (то ли проверял?), она закричала. Дух услышал и говорит: «Я тебя пожалел, дал тебе свою дочь, а ты ее кипятком

¹⁰⁷ Сэвс-Ики ‘Сэвс-мужчина (старик)’ самими информантами часто связывается с образом медведя, хотя и не отождествляется с ним. В близких по сюжету текстах встречаются то Сэвс-Ики, то Злой дух, то Медведь.

¹⁰⁸ «Крестный» – тот, кто обрезал ребенку пуповину (*пук ими, пуки ку* – ‘пупочная женщина’, ‘пупочный мужчина’). Героиня назвала Сэвс-Ики «крестным», потому что испугалась (комментарий В.Н. Сигильетовой).

¹⁰⁹ Сэвс-Ики убивает оставшуюся семью.

облил!» Старший брат опять остался один и решил пойти искать младшего брата, к людям жить.

2. [Откуда комары пошли]

Лиса и медведь ходят друг к другу в гости. Медведь пришел, нора у лисы узкая, думает, как залезть. Решил полезть задом. Лиса посмотрела: «Что ж это такое? В гости задом залазит!» Взяла что-то острое (может палочка для жарки рыбы – йивысь). И как ткнула мишке в задницу! А он как пукнет, а оттуда как полетели комары. Лиса стала ругаться на медведя. А он как с испугу выскочил и убежал.

3. [Откуда у бурундука полоски на спине]

Ходили по лесу медведь и бурундучок, шишки, ягоды собирали. И так медведю бурундучок понравился: что ни скажет, все тот делает. Взял он и погладил его по спине. У него полоски и остались.

4. Быль. [как женщина выдала хантов врагам звуком своего монисто]

Жили два рода. Пришли люди с чужих земель. Под землей [ханты] сделали проход и большой общий земляной дом. Туда и дров, и воды натаскали. Прятались. Однажды женщина собралась по воду. Бабушка ее предупредила: не надевай монисто, они брякают, ты нас выдашь, по этому звуку нас найдут. Так и вышло. Пошли по звуку монисто, враги услышали, нашли девушку и пошли по этому подземелью. Нашли людей, всех поймали. Мужчин поубивали, а женщин, девушек забрали с собой¹¹⁰.

5. Сказка. Соломинка и ягодка

Поспорили Соломинка и Ягодка: кто раньше встанет. Решили: давай спать ляжем. Легли спать. Утром рано проснулась Соломинка, тихонько слезла, пошла топить печь. Соломы наложила, и сама тут. Пока печку растопила, и загорелась, сгорела. А Ягодка от шороха и возни проснулась, смотрит – Соломинка горит. Она от хохота и лопнула.

6. Сказка

Ночь начинается, вылазят черви. Эти черви съедают людей. Люди говорят: сейчас черви начнут нас есть, что делать? Смотрят – вылазят. Первого увидели – давай убегать. Огромные. Бегут за ними. Одного человека догнали, съели. Остался один скелет. Съели – еще больше размножились. Они так быстро бегают. Еще съели, потом еще. И вот остался один человек. Он говорит: «Что же мне делать?». Убегает. Вот решил – прыгнул в воду. Прыгнул, и черви за ним. Он нырнул – а они всплывают, не могут нырнуть. Он подождал, а они от воды задохнулись. Выбрался на берег. «Как хорошо, [думает,] я один только остался, выжил».

---

¹¹⁰ На наш вопрос, что это были за враги, исполнительница ответила: «Татары. Ляляхсты ях – воинственный народ, мама называла».

7. Сказка. Лебедь и глухарь

Жили лебедь и глухарь. Спорили, кто полетит на юг, а кто на север. Потом говорят: «Что нам спорить, давай жить вместе, вместе полетим на юг, вместе полетим в Сибирь». Вот наступает весна. Лебедь говорит глухарю: «Мне надо лететь на север». Глухарь: «А мне зачем на север, я и так на севере живу. Лети». Лебедь улетел. (А глухарь и зимой живет, и лето, и осень, и весну. Не боится ни жары, ни холода.) Прилетел обратно осенью, летит на юг. Встретились, глухарь лебедю говорит: «Ну, как там на севере?» «Летом ничего, но к осени холодает, на юг надо лететь, холодно больно. Хорошо тебе здесь, не холодно, не жарко». (По-моему, неправильно рассказываю, забыла, наверно)¹¹¹. Вот прилетел с юга лебедь: «Ну, как там на севере?» «Летом тепло, осенью холодно. Пришлось опять лететь на юг». Глухарь говорит: «Попробую я на юг слетать». Полетел глухарь на юг, побыл там, прилетел обратно. Опять встретились. Лебедь говорит: «Ну, как на юге?» «Ой, так жарко... (По-моему, неправильно, забыла) Мне ни холодно, ни жарко, без разницы». (Забыла.) «Ну, тебе хорошо. Что же теперь делать будем: мы как-то привыкли друг к другу», – лебедь говорит. «Я на юге, и ты вместе со мной [будешь]». «Нет, я, наверное, на севере буду. Там я могу от холода в снег спрятаться, а от жары – в кусты спрятаться». Глухарь говорит: «Полетели вместе на север!» Лебедь: «Я не полечу, потому что я замерзну, там очень холодно». Уговаривал-уговаривал глухарь, но лебедь все равно не полетел. «Придется мне одному полететь, мне одному скучно». Так лебедь остался на юге. Он на север полетел. Со слезами полетел. (Но глаза у него не поэтому красные, это уже другая сказка).

8. [О ненцах]

Я слышала от людей, что раньше с ненцами воевали. Они людоеды были, человеческое мясо ели, даже кровь пили. Говорят, что здоровый человек – здоровый дух. Кровь пили для того, чтоб не болеть. ...Оленьё мясо также едят, кровь пьют. А у нас такого нет, у хантов. Мясо едят, а кровь – нет.

9. [Как старик обманул врагов]¹¹²

Я хотела бы рассказать историю, которую рассказывала мне бабушка. В старину жил один старик, у него была сноха. Однажды сын ушел на охоту на подволоках¹¹³, а отец со снохой остались дома. Сидит старик на улице, сноха рыбу дома жарит. Выходит, по дороге, видит, нарты едут. Гости к ним наведались¹¹⁴. Встретил старик гостей, говорит снохе: «Заводи гостей [в дом], чаем напои, рыбы жареной им принеси, накорми их с дороги». Гости спрашивают: «Ты старик, сам заходи?» «Да не, я сейчас зайду». Расспрашивают старика гости: «Где твой сын?» «Сына нету уже у меня, сына давно уже убили. Заходите, чай пейте». Сноха завела. Старик тем временем на крышу забрался. Гости тем временем разогрелись, разделись, пьют чай горячий. Старик тем

¹¹¹ Рассказчица плохо помнит текст и по ходу, вспоминая, выстраивает сказку заново.

¹¹² Близкие по сюжету тексты бытуют у кетов и селькупов.

¹¹³ Подволоки – охотничьи лыжи, подбитые оленьим мехом.

¹¹⁴ Враги пришли.

временем на крыше открыл окно¹¹⁵, бросил туда огонь. Снохе до этого приказал: «Ты смотри, все на крышу поглядывай и выскочишь, как только я открою [окно]». И как только дед открыл [окно], она выскочила, а дед огонь бросил. Вот и сгорели все гости в огне. Сам со снохой своей пошел, сели на нарты и поехали туда, на дорогу. Там увидели нарты, целый караван оленей. Забрали их, переехали в другое место.

10. Военная быль

Раньше ханты прятались под землей. Выкопали подземный ход. Избушка, что ли? И чтоб на улицу совсем не выходить, на потолках на крыше делали, – как бы лед замораживали, – делали окно, освещало их жилище. Вблизи реки обычно такие делали. Под землей тоже ход рыли и до реки. Чтоб за водой ходить. Как враги их вычисляли? Что орехи щелкали! Они находили окно их. Смотрят, что вроде блестит лед. Прислушивались и так вычисляли, где люди живут. И вот однажды семья одна, муж с женой, выехали – в гости решили поехать со своего стойбища. Вылезли, надо же как-то [питаться]... Дед снял с ловушек дичь. Решили – надо же сварить кушать себе. Котлов как таковых не было, они варили на малом огне, берестяные делали куженьки¹¹⁶, в них варили мясо. Вот жена наклонилась, – а находили такое место, чтобы был овраг, чтобы навес был как бы. Обычно когда дерево валится, навес получается. Под таким вот [деревом] огонь развели и сидят. Только начали варить, мясо закипело, – жена полезла накипь убрать, да мясо посмотреть. Смотрит – человеческое лицо нарисовалось. Это, оказывается, сверху уже их увидели враги. Война, наверное, была, поэтому всего боялись. Быстренько котел с мясом – сами даже не поели – вывалили, сели на облас и уехали.

11. [Обычай]

Бабушка говорит. На берегу, на Вахе жила семья. Ханты [тогда] между собой воевали. До того, чтоб никто в живых не оставался. Если какая-то семья побеждает, обязательно убивали до конца, чтоб дальше не враждовать. Вот бабушка с дедушкой остались в семье, а в другой семье один ребеночек – подросток. И вот этот подросток сел однажды на облас, поехал и этих стариков убил¹¹⁷.

12. [Собачье озеро]

Была избушка у хантов. Оленеводы, наверное, были. Оленеводы же кочуют. Переехали, а сучонка была беременная. Они зимой уехали, весной приезжают, через месяца два или три (сучонка беременная осталась, должна была вот-вот щениться, а ее куда возьмешь со щенками? Таскаться с ней.) Приезжают – а с ней там целый выводок щенков, и сама она, и щенки встречают в избушке. Поэтому в честь этой сучонки назвали озеро эл'кесам эмтор.¹¹⁸

¹¹⁵ Раньше в хантыйских жилищах были потолочные окна. Через них, например, вносили убитого медведя.

¹¹⁶ *Куженька* – кузовок, чашка из бересты.

¹¹⁷ Автор: «Это когда было?» Информант: «Неизвестно». «Как его звали?» «Не знаю, неизвестно».

¹¹⁸ У этого озера «жила» женщина – дух-покровитель, на ней символически «женили» отца информанта. Идолу приносили подарки: полотенца, новый платочек, лоскуток ткани.

13. Брат и сестра – трясогузки¹¹⁹

Жили-были трясогузки¹²⁰, брат и сестра. Жили вместе, рыбачили, охотились. Однажды брат пошел проверять запор и поймал огромную щуку. Вытащил кое-как на берег, на деревянные нарты. Немного отъехал – нарты сломались. Он отправил сестру, говорит: «Сходи, сестра, за другими нартами». Сестра принесла другие нарты. Немножко отъехали, проехали какое-то время – нарты снова сломались. Он опять сестру отправляет: «Принеси, сестра, железные нарты». Та сходила, принесла ему железные нарты, довели они кое-как эту щуку домой. Брат устал, говорит сестре: «Пока я сплю, щуку разделай, свари, а мне самые вкусные места оставь: голову, хвост и жирные кишки». Сам лег, уснул. Пока спал, сестра сготовила рыбу и сама не заметила, как съела. А брату оставила кишки, кости. Думает: «Чем же мне брата накормить? Надо, чтобы больше было». Взяла и смешала все с собачьим пометом, в тарелку положила и все это ему подает. Брат посмотрел, отодвинул тарелку, обиделся на сестру и превратился в птичку, и вылетел через верхнее отверстие чума на улицу. Вылетел и дразнит сестру: «Тыв, тыв, тыв, я от тебя полечу». А сестра заплакала: «Не улетай братишка, не улетай, я тебе красивые нырики¹²¹ сошью». Дразнит ее, дразнит – то на одну ветку сядет, [то] перелетит. А сестра все за ним бежит: «Не улетай, братишка, красивые варежки с орнаментами сошью». А он обиделся и полетел дальше. Вот он летит-летит, прилетает на место, где когда-то люди дрова рубили – пеньки остались срубленные. Сел на пенечек, отдохнул и дальше летит. Вот долетает до того места, где в прошлом году дрова рубил, опять до того места полетел. Летит-летит, видит – стоит чум большой-большой. Видит, посреди чума висит большой-большой котел. Он сел на верхушку чума, отдохнул. И, – тепло поднимается, – он уснул и свалился вниз. А в котле был жир. Он жиром весь измазался, кое-как вылез оттуда и лететь-то не может. Он отполз в уголочек и уснул. Вдруг, слышит – Сэвс-ики идет (А Сэвс-ики – это злой дух): тягыр-пуч-пуч, тягыр-пуч-пуч¹²². Сэвс-ики заходит в дом (а когда зимой заходишь в дом, темно же сразу глазам становится) и щупает, где спички – огонь-то развести. Рука на что-то мягкое такое [наткнулась]. Он схватил: это что такое? Быстро огонь разжег. «А, это ты, птичка? Ну, сейчас я тебя и съем!» – он его решил пожарить. Палочку воткнул, костер разжег, жарит. Жир с птички топится и капает. Птичка ему говорит: «Ой, дедушка, переверни меня на другой бок, жарко стало, горячо». Тот его перевернет – опять с этой стороны жир капает. Он: «Ой, давай переверни меня». Он его перевернул. Потом он думает: «Сейчас я сжарюсь, меня съедят». [Говорит:] «Может ты меня не будешь кушать? Лучше я тебе в жены свою сестру отдам». Тот обрадовался: «А вдруг ты меня обманешь?» Он говорит: «Нет, я тебя не обману». «А как я тебя найду? Где ты живешь?» «Я когда полечу домой, – то одним крылом снег задену, то другим крылом чиркну, ты по этим следам ко мне и придешь». Вот Сэвс-ики его отпустил, обрадовался: «Мой зять, мой зять». На следующий день Птичка домой полетел. Летит, то одним крылом снег чиркнет, то

¹¹⁹ Вариант текста опубликован: Лукина, 1990, №95. См. также вариант этой сказки в данном сборнике (текст на с. 129).

¹²⁰ Трясогузка – это образ Альвы (Комментарий информанта).

¹²¹ Нырики – род обуви.

¹²² Звукоподражание, это медведь идет по снегу (комментарий информанта).

другим. Долетел домой, опять сел на верхушку дома, на вершину чума своего и вниз смотрит: чем там сестра занимается? Смотрит – сестра плачет. Ему жалко стало сестру, он спустился. «Не плачь, сестра, я тебя замуж отдал, жениха нашел тебе хорошего. Я за Сэвс-ики тебя отдал». Сестра еще пуще заревела: «Что ты наделал? Он же нас съест!». Он посидел-подумал. «Я придумал! Давай сделаем вот что. Хватит плакать! Давай дверь нашу уменьшим, а возле порога при входе яму выроем, заделаем ее». Так они и сделали: дверь уменьшили, яму вырыли, заделали ее, брат ходил, пещню принес, в костре накалил ее. Слышат – Сэвс-ики идет: тягыр-пуч-пуч, тягыр-пуч-пуч. Сэвс-ики пришел, войти в дом не может. «Ой, как же к вам заходить-то?» «А у нас гости дорогие заходят задом наперед, надо задом повернуться». Только Сэвс-ики задом повернулся, они эту раскаленную пещню ему втыкают. Сэвс-ики как заорал! Сестра с братом аж сознание потеряли от его крика. Они когда очнулись, Сэвс-ики в эту яму провалился и лежит там. И тогда Птичка вместе с сестрой его сожгли. Когда пепел от Сэвс-ики полетел, пепел «пылых!» – в комаров стал превращаться: с головы – в озера превратился, волосы – в леса может превратились, пепел от рук-ног – реки наши появились. А комары-мошки когда появились, голый Сэвс-ики проговорил: «Как люди мою кровь пили, так эти твари, мошки и комары, пусть едят кровь всего живого». И вот по сей день комары и мошки пьют мою¹²³ кровь.

14. Сказка о двух огнях¹²⁴

Жили две женщины. У каждой были дети. Одна женщина за своими детьми следила, воспитывала их, чтобы они не лезли к огню, огонь зря не тыкали, мусор в огонь не бросали. А у другой женщины все было наоборот. Дети ее каждый раз в огонь лезли, мусор бросали, палочками к огню лезли. Однажды первая женщина днем прилегла и уснула. И видит сон, как будто бы встретились два огня и ведут меж собой разговор. Одна говорит: «У меня такая хорошая хозяйка, за мной так ухаживает, песочек мне всегда меняется, в огонь мусор никогда не бросят, палками никогда в меня не тычут». А другая говорит: «А у меня наоборот! Посмотри на мое платье, всю меня истыкали, всю оплевали, мусор в меня бросают. Я, наверное, накажу их». Другая говорит: «Да ну, зачем». «Нет!» Проснулась эта женщина, значения не придавала своему сну, свои дела делает. Наступил вечер, все легли спать. А утром проснулась она оттого, что пахнет дымом. Она выскочила на улицу и видит: от дома соседки ничего не осталось. То есть дом сгорел. И тут она вспомнила про свой инструмент, что она соседке давала. «Я же ей отдала, наверное, тоже сгорел». Пошла на это пепелище и видит: ее инструмент лежал в ямочке, и как он лежал, целый и невредимый, ничего с ним не случилось. (Эта сказка учит детей, чтобы они бережно относились к огню, потому что огонь почитается).

¹²³ Оговорка, должно быть «нашу».

¹²⁴ Вариант текста опубликован: Лукина, 1990, №54.

15. [Злой дух]¹²⁵

Жили два брата. Один старший, другой младший. У старшего брата была семья побольше: жена, несколько детей – двое, может трое. А у другого только родился маленький ребенок. Однажды братья собрались на охоту и своим женам наказывают: «Мы поехали надолго на охоту. (Может, зима была, может осень – не знаю, может на рыбалку). Вы не балуйтесь, не шумите, потому что недалеко злой дух живет, услышит – придет, съест вас». И ушли. Только братья ушли, жена старшего со своими детьми начала в шумные игры играть. Дети балуются, шумят, кричат, а младшая успокаивает ее: «Братья же наказали – не шумите. Вдруг злой дух придет и съест нас?» Те не слушают ее, продолжают играть. Старшая сноха вытасила свои груди, детям показывает, трясет перед своими детьми: Тютти лавэс пол’и лавэс¹²⁶. Младшая опять ее успокаивает, те не слушаются. Она тихонечко вошла в свой чум, ребенка своего завернула, вдруг слышит, что кто-то по воде идет (слышно, когда идут по воде, вода журчит, бурлит). Вышла на улицу – злой дух идет, лунх. Голова прутьями перевязана черемуховыми, потому что от шума голова разболелась. Она тут же зашла домой. А Сэвс-ики¹²⁷ в это время у порога сел, никого не выпускает. Она когда зашла в дом, своего ребенка в подол платья завернула и говорит: «Дедушка, отодвинься, я мусор вынесу». Он говорит: «Что, раньше нельзя было мусор вынести? Вот я пришел и тебе надо мусор вынести!» Но все-таки отодвинулся, выпустил ее. И эта младшая сноха убежала в другое стойбище. А он съел эту семью, а головы жены и детей повесил у дороги на колышки, откуда должны были братья возвращаться. Вот рано утром братья возвращаются с охоты, старший увидел свою семью, говорит: «Смотри, семья моя меня встречает, а твоих что-то я не вижу». Младший промолчал, ничего не сказал. Когда близко подошли, хотел обнять жену – голова отвалилась, детей пошел обнимать – опять отвалилась. Расплакался он, что делать. Когда домой зашли – что делать, никого нет, младшего брата жены тоже нет с ребенком. Он говорит: «Я пойду в соседнее стойбище, там поищу, может туда ушли». А старший брат остался. Младший ушел, нашел там свою семью, остался там жить. А старший жил один, ходил на охоту, на рыбалку. Однажды возвращается с охоты, видит – из трубы дым идет. Обрадовался, думал, брат пришел в гости. Видит – сидит незнакомая женщина. Он думает: «Откуда взялась?». Она молча подошла, разула, обувь отряхнула, сушить повесила. Все молча делает. Накрыла на стол, кушать села. С того времени эта женщина и старший брат стали жить вместе. Но она все время молчит, не разговаривает с ним. И он думает: «Ну, как бы мне ее заставить, чтобы она заговорила?». Однажды вечером она уху варит, он думает: «Дай-ка, спрячу поварешку». Взял и спрятал. Она туда-сюда глядит – нигде не может найти. Взяла и рукой залезла в кипящий котел. И как закричит, что муж сознание потерял. И когда он очнулся, видит – дома никого нет и огромные следы ведут в ту сторону, где злой дух живет. Он стал на лыжи, пошел, видит, – стоит огромный

¹²⁵ Данный текст является развернутым вариантом сказки, рассказанной В.Н. Сигильетовой (№1). Близкий вариант этого текста опубликован: Лукина 1990, № 81. В нем объясняется происхождение названия речки. Данный вариант более развернутый, но без этиологического финала. Вариант также опубликован: Кулемзин, Лукина, 1978.

¹²⁶ Звукоподражание, имитирует игру с грудью.

¹²⁷ Оговорка, должно быть «злой дух».

чум. Нет, чтобы войти ему, а он побоялся, залез на верхушку чума, оттуда вниз смотрит, видит – его жена сидит и лунх. Он догадался: злomu духу жалко его стало, и он отправил ему в жены свою дочь, но строго-настрого наказал, чтобы она молчала. Злой дух говорит: «Если кто пришел – пусть войдет!» Тот все равно испугался, боится войти, вдруг злой дух его съест. Слушает: «Если не войдет тот, кто пришел, то пойдет в соседнее стойбище, там его начнут угощать. Один кусочек проглотит, второй, а третьим куском подавится и умрет». Еще больше испугался, скатился с этого чума и бегом побежал в соседнее стойбище. Прибежал – там младший брат. Тот обрадовался, стал угощать: «Садись, [поешь]». Стол накрыли. «Нет, я есть не буду, меня злой дух проклял». «Да ну, брось, садись кушать». Вот он сел, уговорил его [брат]. Вот один кусочек проглотил, второй проглотил, а третьим куском подавился и умер.

16. Сэвс-Ики и Альвы¹²⁸

Живут бабушка¹²⁹ со своим внуком Альвы. Однажды Альвы говорит: «Я на ту сторону схожу на охоту». Бабушка ему запретила: «Не ходи, в ту сторону твой дед ходил, отец ходил и никто не вернулся». Альвы решил не слушать свою бабушку и все равно пошел на ту сторону. Идет, видит – утка сидит. Он вытащил свои стрелы, пустил стрелу, стрела попала в утку, но утка даже не шевельнулась. Он пошел вытаскивать свою стрелу: втаскивал, вытаскивал, [так] что и руки, и ноги у него прилипли к этой утке. И сидит он, попался в капкан. Слышит – Сэвс-Ики идет: тягыр-пуч-пуч-пуч. Увидел Сэвс-Ики, что в его капкан попался Альвали¹³⁰. «А, внучек, это ты?». Он снял его со своего капкана и принес домой. Привязал – как вот собак привязывают на колышек. У Сэвс-Ики дочери есть, две дочери. Он говорит: «Вот, я вам еду принес, но надо его сначала откормить как следует. Я пойду, схожу за большим котлом» (У них был маленький котел, Альвали не помещается). Ну, Сэвс-Ики ушел за большим котлом, а дочери говорят: «Давай проткнем Альвали щеки!» Взяли, проткнули ему щеки, и у него щеки вздулись. Дочери рассуждают между собой: «Вот отец-то придет, скажет: «У-у, какой жирный Альвали стал!»». А Альвали им говорит: «Давайте, я вам сделаю ложки, [а то] как вы меня будете кушать? Только вы меня развяжите». Дочери в доме сидят. Они его развязали, и он пошел делать ложки. Взял топорик, идет по лесу: то одно дерево стукнет, то другое, как будто ложку делает. Приходит к дверям, одну из сестер вызывает: «Выходи, я ложку тебе сделал». Та вышла, он ее – раз! – топориком по голове. Потом пошел опять: по одному дереву стукнет, по другому. Подошел к дверям, другую сестру вызывает: «Выходи, я ложку тебе сделал. Та вышла. Он опять ее топориком – раз! – стукнул. Пока Сэвс-Ики ходил за котлом, он этих сестер убил, сварил. И котел стоит. А сам залез на большое, высокое дерево, а в сапоги свои насыпал песок, опилки и ждет Сэвс-Ики. Вот Сэвс-Ики. возвращается, заходит в свой дом, видит – котел стоит, и Альвы нету, и дочерей его нету. А Альвы до этого, прежде чем залезть на дерево, поймал двух ворон, запустил их в полог, и эти вороны в пологе галдят, кричат, а Сэвс-Ики подумал – это его дочери. И вот он заходит в свой дом, видит – котел стоит, зачерпнул, хотел поесть из котла, думает: «У-у, какие у него дочери: пока он ходил, они уже еду ему приготовили!». Зачерпнул – вытаскивает серьгу

¹²⁸ Опубликованные варианты: Лукина, 1990, №33; Кулемзин, Лукина, 1978, №34.

¹²⁹ Сначала исполнительница ошиблась: «Живут Сэвс-Ики, ой, не Сэвс-Ики! – бабушка...»

¹³⁰ Имена героя: Альвы, Альвали употребляются как синонимы.

старшей дочери, снова полез в котел – вытаскивает серьгу второй, младшей дочери. И тут он догадался, что это его дочери, схватил полог – эти две вороны вылетели, и он разозлился, схватил топор, давай все деревья рубить. И вот добрался до этого большого дерева, на котором сидел Альвы. Но Альвы видит, что если сейчас Сэвс-Ики срубит дерево, он упадет и погибнет. И он Сэвс-Ики говорит: «Дедушка, ты не руби дерево, ты такой старый, ты подумай, если я упаду, и от меня ничего не останется!» Сэвс-Ики остановился рубить дерево: «Что мне тогда делать?» Альвы говорит: «А ты возьми палочки, глаза свои растопырь, в рот поставь палочку, а слезу к тебе с дерева и прямо к тебе в рот прыгну». Сэвс-Ики так и сделал: нашел палочки, глаза себе растопырил, рот себе растянул, чтоб Альвы прыгнул к нему в рот. Вот Альвы стал спускаться, лезет потихонечку с дерева, а сам сыпет, что у него с собой было. Сэвс-Ики говорит: «Ой, Альвы, что это такое сыпется?» Он: «Дедушка, это кора дерева сыпется. Лезет-лезет, потом опять высыпет ему на глаза и в рот». Вот, пока он лез с дерева, у Сэвс-Ики глаза мусором наполнились, рот все забило. Он прыгнул с дерева, схватил рядом лежащий топор и разрубил Сэвс-Ики на мелкие кусочки, потом сжег его тело. Из пепла Сэвс-Ики появились комары и мошки.

17. [Собака]¹³¹

Жили на земле люди и жила с ними собака. И она, как человек, жила в доме, ела то, что люди ели. Однажды у людей человек умер. Они думали-думали, что делать и решили отправить собаку к Богу. Пришла собака к Богу и говорит: «Вот, люди меня отправили за советом, что делать, человек умер, как его оживить». Бог ему говорит: «К ногам положите камень, а к голове гнилушку». И пока домой шел, повстречался ему лунх. Лунх ему говорит: «Куда ходила, собака?» «Да вот, иду, люди меня отправляли, как человека оживить». «Ну и что тебе Бог сказал?» Так он сказал: «К ногам камень, а к голове – гнилушку». «Он тебе неправильно сказал: сделай наоборот, камень к голове, а гнилушку к ногам». Пришел он [собака] к людям и так и объяснил: надо положить к ногам гнилушку, а к голове камень. Люди так и сделали. Когда человек стал вставать, гнилушка под его ногами рассыпалась, и он упал и ударился о камень и умер – уже совсем. Тогда Бог рассердился на собаку и сказал: «Люди тебя будут звать собака, весь ты будешь покрыт шерстью и будешь питаться объедками». С того времени люди стали умирать.¹³²

18. [Почему люди устраивают медвежьи игрища]

Раньше ханты охотились на медведя. Вот однажды медведь решил пойти к Богу и пожаловаться – почему это его люди убивают и убивают. Вот он отправился к Богу и Бог ему говорит: «Чтобы люди тебя не убивали, ты когда придешь на землю, спрячься и на человека напади, убей его». Он спустился на землю, на тропе, откуда охотник ходит на охоту, [в]стал, спрятался за дерево и охотника поджидает. Видит – человек с охоты идет, нарты катит за собой, ручные, видимо. И когда человек отошел от него, решил на него напасть. Мужчина-охотник услышал, что снег-то сзади скрипит, быстро из-за пазухи схватил топор и ударил медведя. И умер медведь. Другой медведь все это видел и решил тоже

¹³¹ Вариант: Лукина, 1990, №14.

¹³² Собиратель: «А до этого собака какая была, как человек?». Информант: «Видимо. Я не знаю».

отправиться к Богу. Говорит: «Вот, так и так, человек-то все равно убивает нас». Бог второму медведю говорит: «Я сказал, чтоб он убил человека. Раз не убил он человека, теперь люди будут постоянно вас убивать. Но когда он убьет вас, он будет устраивать в честь тебя праздник». С того времени люди как охотились, так и охотятся на медведя, но когда убивают медведя, в честь него устраивают игрища.

19. [Альвы и купец]

Альвы со своей бабушкой живут. А напротив них, на том берегу, жил богатый купец.¹³³ Может русский – откуда я знаю. Богатый купец постоянно послов к Альвы посылал, чтоб узнать, чем Альвы занимается. И вот однажды Альвы своей бабушке говорит... Сначала они зарезали корову, кишки наполнили кровью, он свою бабушку обмотал, поверх надели платье на нее, и говорит: «Сейчас придут посланцы купцов, я сделаю вид, что ножом тебя ударил, ты притворись, что ты умерла, а потом снова садись, когда я скажу, как будто ты ожила». Приходят посланцы к Альвы. Он бабушку кишками обмотал, на нее платье надел. При этих послах он хватает ножик, бабушку этим ножом ударил, кровь во все стороны брызжет, бабушка падает на бок – умерла. Тут он опять этот ножик – а раньше, когда кострище делают возле чума или избушки, оно бревнышками обкладывается со всех сторон, – этот ножичек хватается и об эти бревнышки [тыкает] и говорит: «Кого убил, того оживи! Кого убил, того оживи!». Бабушка – раз! – села, ожила. Посланцы быстренько соскочили, побежали к своему купцу и рассказывают: «Ты знаешь, у Альвы-то волшебный ножичек есть. Бабушку убил, потыкал об это бревнышко, и бабка ожила». Купцу захотелось этот ножичек поиметь: «За любые деньги куплю!» Альвы сперва не соглашается: «Не, нож не продается, не продам». Потом согласился. А к купцу приехали еще какие-то друзья-богачи. И он давай этим ножом, то одного ткнет-убьет, [то] другого убил. За это бревнышко, говорит: «Кого убил, того оживи!» – люди у него не оживают. «Все! Альвы меня обманул!». Опять купцов отправляет. Ах, ты какой! – надо его поймать, связать. Альвы они поймали, связали. Решили его утопить. В коровью шкуру его завернули, завязали. Рано утром на рассвете они его хотели куда-то в колодец или в речку бросить. Вот лежит на берегу и видит: богачи едут со своим товаром к этому богатому купцу. И он из этой шкуры кричит: «Отпустите меня, отпустите!» Людям интересно стало: кто же там завернут? «Да вот, в воду нырял», – а когда его посланцы схватили, он успел еще полтарелки с собой взять, – «у меня тут богатство есть, вот только тарелку успел вытащить, там полно всего». Люди поверили и отпустили его. А он вместо себя кого-то положил из богатых и скинул в речку. Сам обратно домой пришел. Печку растопил. Дым идет. Купец это увидел [и думает]: «Как это он домой-то попал? Его же в речку бросили». И он еще забрал все, этот товар, что купцы бросили и лежит себе полеживает – ткани серебряные или позолоченные, – это все забрал) на дорогах этих вещах. Посланцы опять приходят, увидели это все и приходят, все это купцу рассказали. Купец пришел – опять ему захотелось узнать, откуда у него богатство, – они Альвы пригласили, позвали к себе. Тот говорит: «Вы же меня в воду кидали, я оттуда все вытащил и разбогател». И богатый купец тоже захотел это богатство. Купец когда услышал и жена его услышала, с женой его сердечный приступ случился, она заболела. И он приглашает Альвы, чтобы тот вылечил

¹³³ В хантыйском тексте: Кан-Ики 'Царь'.

его¹³⁴. Альвы приходит, и начал шаманить. Шаманил-шаманил, и жена у него [у купца] умирает. И Альвы плачет: день плачет, два плачет, третий плачет. А купец говорит: «Да ладно, Альвы, успокойся, не плачь, давай я тебе в жены отдам одну из своих дочерей». А он все плачет и плачет. «Да ладно, не плачь, я тебе и вторую дочку в жены отдам, не плачь только». Он все плачет. «Да ладно, Альвы, успокойся, не плачь, давай я тебе и третью дочь в жены отдам». Он все плачет. «Да ладно, успокойся, я тебе все богатство отдам, что у меня есть». Тогда Альвы перестал плакать, у него три жены, и все богатство заимел этого купца.¹³⁵

20. [Ягодка]

Жил мужчина с сыновьями, жили без матери, в лесу, где-то на отшибе, возле них никого не было, никого они не видели, никого не слышали. Однажды отец говорит, – надоело им одним жить, там надо ведь, чтоб женская рука была – говорит сыновьям: «Я пойду-ка мать вам искать». И пошел. Нарты свои приготовил, собак. Ну и пошел. Сколько рек перешел, лес и устал. Однажды присел где-то возле пня, и дым пошел. Думает: «Откуда это дым пошел? Дверей нигде не видать». Ходил-ходил, искал двери, двери нашел, потом зашел. Там внутри никого нету. Слышит – внутри что-то пищит: «Помогите!». А она [Ягодка] узнала, что кто-то в гости пришел, хотела, чтобы угостить. «Помогите!» – оказывается, она котел не может поднять. Он подошел и помог ей. Потом второй раз она опять где-то пищит, опять кричит Ягодка, не может. (Она маленькая как я же!) Котел не может поднять, а котел вроде как с головы¹³⁶ белки, меньше даже. И Ягодка не может опять. Мужчина подошел и помог. Ужин приготовили. Потом ему понравилось, там остался. Он забыл даже про своих сыновей. Пожил маленько и говорит: «Ой, надо уже ехать домой, меня, наверное, там дома ждут». Ну, собрался, нарты свои приготовил, собак своих. Вот эта Ягодка собралась с ним ехать. Он посадил [ее] на нарты, под шубу и они поехали домой. Приехали домой, он говорит своим сыновьям: «Ягодке помогите слезти с нарты». Сыновья не видят – а где она?! А она сидит под шубой (там оленья шкура или что). Ну и младший сын пришел, хотел помочь, а Ягодка уже скатилась, – а сыновья пошли (мужчина тоже пошел, охотник) в сторону чума, где они живут. Ну, младший последний пошел. Ягодка пока катилась, и этот младший сын, шел-шел, пока они к чуму шли, он наступил на Ягодку, Ягодка лопнула. Мужчина маленько попереживал, ну что сделаешь? Есть такие люди, которые живут и ничего не умеют делать. Вот и сказке конец.

21. Сказка про хлеб¹³⁷

Жили-были дед и бабка. Деда звали Ики, бабку звали Ими¹³⁸. Жили в лесу, дед все время ходил на охоту, на рыбалку и долго его не бывало. На зиму заготовку делал

¹³⁴ Должно быть: ее.

¹³⁵ По словам информанта, это сказка объясняет, как род Альвы, т.е. ханты, богатым стал.

¹³⁶ То есть размером с голову белки.

¹³⁷ Сказка позднего происхождения, отчасти напоминает «Колобок». Возможно, продукт индивидуального творчества.

¹³⁸ *Ики* ‘мужчина, старик’, *Ими* ‘женщина, старуха’.

– мясо, рыбу. Приготовит – приносит домой. Бабка одна дома остается. Он привезет домой – бабка Ими жарит, заготовку на зиму [делает], домашними делами занимается, дров заготовливает, одежду шьет, чтоб дедушке ходить на охоту. Ики уедет, бабка Ими опять дома остается. А у них муки не было, совсем мало было. В основном питались мясом, рыбой. Однажды бабка Ими говорит: «Так хочу хлебушка, постряпать что ли?» Решила все, что осталось, [взять,] березовая кадка, и там [замесить]. Намесила тесто. Дед был добренький, всех людей уважал, с кем встречался, а бабушка Ии была злая, жадная такая. Ну, хлеб постряпала и грубо с хлебом обращалась. Хлеб не любит, когда с ним обращаются грубо. Постряпала, и сделался хлеб у ней как камень. И бросила с таким злым настроением на сковородку. Начала мешать когда, какую-то палочку острием сделала и тыкала хлеб. А Хлебу тем более стало больно. И Хлеб начал поворачиваться туда-сюда. Бабушка Ими торопила Хлеб: «Давай пекись, я хочу хлеба, кушать хочу!». Но Хлеб старался, хоть бы скорей испекся, и бабушка хочет Ими скорее кушать Хлеб. Вытащила со сковородки, только хотела этой острой палочкой взять Хлеб, – Хлеб прыг на стол, бабушка за ним, Хлеб повалился на пол и смеется, бегаёт от бабушки, туда-сюда скачет. А наверху полки. Сначала на одну полку прыгнул Хлеб – бабушка за ним, никак не может поймать, потом – там какая-то полка повыше была, где божественные там¹³⁹, чтобы эту полку не надо трогать, – и она забыла, что эта полка, и туда полезла. Хлеб оттуда спрыгнул опять каким-то образом на пол и пошел к дверям. К дверям пошел, открыл двери, и выскочил Хлеб на улицу. На улицу – бабка Ими за ним. Хлеб на улицу вышел, побежал, на улице собаки залаяли, и собаки за Хлебом [погнались]. Чтоб бежать – собаки мешают, – Хлеб оторвал от себя кусок и им бросил, чтобы собаки [его] не съели. Ну, вот таким путем отвлек собак. А бабушка кричит: «Ешьте, ешьте хлеб!» А Хлеб – собаки отвлеклись – убежал в лес. В темный лес. Идет-идет по лесу Хлеб. Подошел к такому месту – тайга, уже вечером, дым идет. Хлеб остановился – там дед, как устал. Он сидит и мясо варит. А сам думает: «Вот бы хлеб был, я бы сейчас наелся». Хлеб услышал это и подошел к костру дедушки Ики. Дед Ики был добрый, он его погладил – вот эти раненные места, что бабушка палочкой острой тыкала, и дырочки у него везде, – погладил, рядышком посадил. А Хлеб так и думает: «Вот бы он меня съел». Дед поговорил с ним, а потом подумал: «Так хочу хлеба!» Сидят возле костра, нарумянился еще... И дед съел этот Хлеб. И в руках у него сила появилась, в ногах сила появилась, руки сильные стали. А Хлеб не достался злому человеку, который плохо с ним обращается.

---

¹³⁹ В каждом традиционном жилище хантов есть полка для хранения священных вещей (идолов духов-покровителей, прикладов им и т.п.), к которым не должна прикасаться женщина.